

Антон ФОРТУНАТОВ

Родился в 1967 году в Горьком. Окончил истфил Горьковского государственного университета, служил в рядах Советской армии. Работал собственным корреспондентом газеты «Комсомольская правда» по Горьковской, Владимирской, Ивановской, Костромской и Ярославской областям, директором региональной телевизионной компании «Фортуна» («ВиД-НН»). С 1997 по 2002 год – советник губернатора Нижегородской области И.П. Складярова по работе со средствами массовой информации.

С 2000 года преподает в Нижегородском госуниверситете им. Н.И. Лобачевского. Доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социально-политических коммуникаций Института международных отношений и мировой истории ННГУ.

Живет в Нижнем Новгороде.

ДВА ЭССЕ НА ТЕМУ ПОСТГУМАНИЗМА

РОСКОШЬ НЕКОМПЕТЕНТНОСТИ

*Это эссе я посвящаю моему старшему другу и коллеге
Владимиру Александровичу Кутыреву*

Эмпатия порой играет с нами злую шутку. Нет-нет да и ловлю себя на мысли о том, что порой опасаясь говорить честно, вернее, боюсь обидеть правдой своего собеседника. На помощь в такие минуты приходят стереотипы и выработанные годами шаблоны: прячешься за стандартными фразами, за устойчивыми формулировками, относящимися к беседе, а потом отдуваешься – фух, ну, слава богу, закончили – и стараешься поскорее отделаться от своего визави. Это называется коммуникативной компетентностью, будь она неладна, и я владею ею в совершенстве, заранее предвосхищая тот регистр, в котором буду вести еще не начатый разговор. Но, оценивая себя со стороны, кажусь самому себе приторно-интеллигентным и злуюсь на то, что вовремя не повернулся затылком к объекту своего раздражения и не переменял тему, а лучше – самого собеседника. Почему при этом в глубине глаз, на самом их дне, и у него тоже, читается вполне отчетливая мысль: что ж так тяжело, зачем все это?

Еще я думаю о том, что люди, от которых я не могу так просто отделаться, обладают каким-то истеричным самолюбием, и если я позволю себе нарушить этот «компетентностный» политекс, то получу в спину, да и в лицо невзначай – истеричные повизгивания или шипение,

которое мне всегда напоминает характерные звуки, издаваемые гусынями на знаменитых боях в Тумботине ранней весной, когда ошестинившиеся «команды поддержки» заводят своих противниц с тем, чтобы потом в схватку вступили флегматичные поначалу, но потом все более распалаяющиеся матерые гусаки.

Мы живем в удивительном мире многослойных сигналов, посылаемых вовне и внутрь себя, и не отдаем себе отчета в том, что порой эти сигналы, в их комплексе, являют собой пеструю, характерно-противоречивую гроздь импульсов, заставляющих наше сознание, естественно напряженно искать компромисса между ними, заглушая или даже игнорируя одни, внимательно прислушиваясь, стараясь досконально прочувствовать другие. Умение выявлять «важные», «необходимые», «социально одобряемые», «востребованные» сигналы называют компетентностью, и на обучение этому навыку сегодня направлена вся энергия административной системы: школы, институты, курсы квалификации, коучи, гуру, лидеры мнений. Такой прессинг объясняется требованиями эффективности: она, пресловутая, считается индульгенцией от любых ошибок и этических оплошностей. Добьешься своего, а там хоть трава не расти. Хороший, кстати, образ: в душах, выжженных этими компетенциями, перестают постепенно зеленеть хоть какие-то островки чувственности, природности, эмпатии. Нравственное облысение, духовная алопеция как побочный результат жизни в озабоченном своим потребительским потенциалом мире.

Психологи пишут: «Если вы будете просто исполнять те танцы, которые выучили много лет назад, это не поможет вам сохранить двигательную кору мозга в должной форме. Чтобы ваш мозг продолжал жить, вы должны учиться чему-то действительно новому...» («Пластичность мозга», Норман Дойдж). То же касается и навыков, и знаний языков, и других сведений. Мы очень быстро становимся заложникам той информации, которую усвоили в молодом возрасте или которую обрели в нестандартных условиях: стрессовое обучение, которое характерно для современных «образовательных интенсивов», также создает определенный тоннель в мозгу, заставляющий нас видеть мир в очень узком сегменте, и все хорошее, светлое, радостное, что находится за его пределами, как бы перестает существовать. Написал и подумал: может, та злоба на дне глаз моих неприятных собеседников – это всего лишь следствие моей собственной рефлексии, и на самом деле ничего такого там нет? Что ж, вполне возможно, но разве это повод изменять свое отношение к ним? Тоннель в моем мировосприятии также не дает мне возможности посмотреть на эту проблему шире.

Я все больше понимаю, что такие агрессивные способы формирования социальных навыков эксплуатируют величайшую тайну нашего сознания, или, назову это по-другому: громадное сокровище, данное нам от рождения, – умение выпрыгивать за пределы повседневности, рутины, обретая собственную уникальность, встречаясь с самим собой где-то в эмпириях этики. Мы погружены в мир технологий, и они, становясь все более изошренными, кажется, уже заранее прогнозируют любые наши мысли и поступки, выхватывая из них все то, что потом можно использовать против нас.

Технологии – это как раз повседневность, рутина, это то, что снимает с нас обязанность быть человеком, «облегчает жизнь». Они знают про нас, кажется, все, про нас – обыкновенных, простых, обыденных, которыми легко манипулировать. Именно поэтому разные проповедни-

ки и коучи всегда наделены каким-то неуловимым ореолом таинственности: владея навыками (гипноза, манипуляции, внушения и пр.), они создают иллюзию выхода в мир удивительных открытий, при этом не оставляя нам возможности почувствовать это пространство собственным естеством, своей уникальностью, неповторимостью.

Вспоминаю в этой связи забавный опыт, полученный мною на курсах по нейролингвистическому программированию, которые я прошел в Москве где-то в 90-е годы. Тогда это была модная тема, к тому же дорогой и близкий мне человек, бывший моим начальником, губернатор Иван Петрович Склярков все сетовал: «Сынку, научи меня защищаться от этих злодеев. Я начинаю читать доклад, а этот... сидит на первом ряду и все меня зомбирует, зомбирует». Иван Петрович трогательно, по-волжски округлял букву «о» в последнем слове, и видно было, что он ждал от меня успокоения, каких-то элементарных рецептов. Он был очень открытым, мой дорогой Петрович, но, когда встречался с неприятными ему людьми, становился букой и ворчуном, что, в общем, не способствовало политической гармонии в тогдашней обстановке.

Я съездил на курсы, послушал знаменитых гуру НЛП, воспринял кое-какие приемчики, но сейчас, как говорят, «в сухом остатке», у меня отложилось лишь воспоминание о способах «введения в транс», или лучше сказать, выбивания из привычного седла собеседника, когда неожиданно предлагаешь ему какое-то слово или выражение, контрастирующее с устоявшимся ритмом, мелодией, стилем беседы. Помню, характерным образцом такой манипуляции стало обращение к шокированному партнеру по диалогу: «Я и не знал, что ты такой перидромофилист!» Оскорбление? Вовсе нет: перидромофилист – это всего-навсего научное название невинного коллекционера железнодорожных билетов.

Но почему, почему именно сейчас, спустя четверть века, нейролингвистическое программирование у меня ассоциируется с этими... перидромофилистами? Нет ничего случайного, и сознание – лучший судья всему тому, чему тебя пытаются обучить или внушить новоявленные знатоки. Те, кто «зомбирова» Скляркова, канули в Лету, а сам Иван Петрович остался в памяти народной как яркий, самобытный руководитель. Только вот перидромофилисты никуда не делись: множатся и мутируют, создавая угрюмый хор, вернее, шипение, – про компетенции, «зоны комфорта», «скилы» и «прокачки».

«И тогда я смеюсь, и внезапно с пера мой любимый слетает анапест...» – набоковское ироничное стихотворение «Слава» очень четко передает это настроение защищенности от «разговорчивого праха», который сегодня с нарастающим усилием все тянется и тянется к твоему горлу, нет, мозгу с обреченно-оголтелым желанием во что бы то ни стало изменить твое Я. Недавняя книжка-эссе другого американского исследователя, Стивена-Давидовица «Все лгут. Поисковики, BIG DATA и интернет знают о вас всё» изобилует шокирующими «открытиями», которые бесстрастно делает сервис Google, анализируя нелicenseприятные и совсем уж неполиткорректные сетевые запросы миллионов американцев, которые, оказывается, думают и представляют себе мир совсем по-другому (порой диаметрально противоположно) тому, что решили за них толерантные «лидеры мнений», медиагуру и прочие поводыри. Где-то в уголке сознания все-таки остается местечко, которое ну никак не удастся осветить, прощупать, отформатировать хладнокровным технологам, казалось бы, уже научившимся делать массовую лоботомию, не прибегая к вскрытию черепов у своих подопытных.

Они, кстати, злятся, эти медиагуру, истерично повизгивая от своего бессилия, а потому, как мантру, повторяют, что человек – это «запрограммированная ошибка». Но пресловутый кукиш в кармане нет-нет да и обернется во всей его неприглядной красе в лицо вершителям судеб. Ответное презрение и трудно скрываемое равнодушие к нам, получателям этих вакцин эффективности, сегодня стали неявной этикой всей системы образования. Я постоянно ловлю себя на мысли о том, что те, кто обрушивает на нас очередные регламентации, требования, инновации, уже и не ждут реальных изменений, оправдывая собственную неэффективность нашей ленью и развращенностью.

А ведь на самом деле все просто. Прежнее, вызывающее ностальгию «доверие к человеку» было обусловлено вовсе не идеологическими клише и близорукостью советских руководителей, а «всего-навсего» радикально другой моделью личности, обладавшей законным правом на целостность восприятия мира и самой себя. Другими словами, человек был индивидуальностью, а не набором компетенций. Понимаю, насколько святотатственным выглядит это замечание в глазах нынешних менеджеров и HR-рекрутеров. И самооправдание их заранее известно: что с него, философа, взять, с этого замшелого профессора, помнящего еще Брежнева?

Как ответить? Опять Набоков украдкой подсказывает:

И я счастлив. Я счастлив, что совесть моя,
сонных мыслей и умыслов сводня,
не затронула самого тайного. Я
удивительно счастлив сегодня...

Меня не трогает их шипение. Я вежливо улыбаюсь, послушно рассуждаю про компетенции, про хард- и софт-скиллз. А потом, в приличный момент отворачиваюсь и начинаю печатать что-то несусветное в поисковой строке. Важно лишь улучить момент, чтобы не показаться в их глазах чересчур невежливым.

Но как же так произошло, что мы очутились в радикально разных мирах?

Сегодня перед нами разворачивается завершение многовекового проекта европейской цивилизации, называемого «Новое время». Технологии, в самых разных их проявлениях, были в нем и панацеей от бед, и индульгенцией от ошибок, и наградой за стяжательство, и надеждой на рай. Они становились все более точным, все более совершенным оружием, в прямом и переносном смысле, и в конце концов стали настолько умными и продвинутыми, что перестали испытывать нужду в человеческом руководстве. А мы? Убаюканные «интеллектуальными» помощниками, которые, если не забарахлят в самый неподходящий момент, то подогреют нам молочко, подкрутят температуру, включают музыку, расскажут сказочку, мы стали седовласыми инфантилами, не способными умножать в уме даже двузначные числа или различить уместность написания «также» и «так же». Мы ворчим на детей, погруженных в гаджеты и отвернувшихся от любых маломальских проявлений окружающего мира, не замечая очевидной вещи: дети – это наша копия, утрированная и мудрая, которая призвана напомнить нам о нас самих. Всего несколько десятилетий назад мы на всех парах неслись в объятия технологий, и это была не только пресловутая «гонка вооружений», но и гонка мировосприятий, в которой основная

масса благ сводилась к обладанию чем-то. Другими словами, счастьем считалось наличие видеомэгнофона, а не возможность погулять в весеннем лесу (последнее казалось неинтересным).

Вспоминаю в этой связи кадры «кухонных дебатов» Хрущева и Никсона в Москве, на американской выставке на ВДНХ, на которой Никита Сергеевич в ответ на рассказ американского президента о цветном видеомэгнофоне победно сообщил ему, изумленному, что все это, дескать, у нас уже есть и что мы вас, бедных и убогих, давно обогнали и готовы подождать, чтобы вы не сбились с правильного пути. Американцы тогда показывали еще до конца не оправившейся от войны советской стране среднестатистическую обывательскую кухню – воплощение благополучия, с ее микроволновками, стиральными машинами, видеомэгнофоном и прочими агрегатами. Хрущев, бедняга, не мог уловить иронии, которая пряталась в самом факте американского самодовольства: сытое брюхо, как говорится в известной поговорке, к учению глухо, и то, что наши враги символом своего превосходства делали кухню, намекало о пустоте, которая зияла в их глазах.

Спустя полвека Умберто Эко скажет о «цифровом средневековье», в которое погрузился мир. Вместе с активным развитием электроники и информационных технологий стала деградировать наша любознательность, наша готовность докопаться до корней, до причин процессов. Отныне мы воспринимаем их как свершившийся факт, не вдумываясь в то, каким образом и какой ценой мы получаем запрограммированный результат. Очень трудно решить, какому богу молиться, когда зависает твой компьютер, потому что сам этот прибор усилиями целых поколений восторженных идеологов превратился в божество, якобы способное изменять мир, дарить счастье и освобождать людей. «Электронный разворот» в индустриальном мире 60–70-х годов прошлого века совпал с андеграундными движениями хиппи, кислотных рейвов, сообществ свободной любви и стал их своеобразной респектабельной оболочкой, активно, кстати, подпитываемой денежными вливаниями со стороны военных ведомств. Подоплекой этому балагану была долгоиграющая программа борьбы с повстанческими движениями, начиная с Вьетнама и заканчивая Латинской Америкой. Но «гражданская» легенда компьютеров состояла в стратегиях «освобождения сознания», соответствовавших тогда модным наркотическим увлечениям.

Другими словами, наркотизация мира происходила за счет приравнивания свободы и информации: чем больше технических возможностей для получения новых сведений ты имеешь, тем более свободным ты кажешься самому себе. Бессмысленные, затуманенные глаза сегодняшних социопатов, которые они поднимают от мониторов на своих родителей в ответ на бесконечные упреки, отрываясь от привычной виртуальной нирваны, словно перекидывают мост к 70-м годам прошлого века, с их Вудстоком и «движением приколистов», грозившихся растворить ЛСД в нью-йоркском водопроводе «для всеобщего кайфа».

Вся эта грустная история создает новое разделение общества по степени его осмысленности. Татуированные тела, громоздящиеся в экранах смартфонов, становятся расходным материалом для новых апологетов кибергуманизма, согласно которым человек должен добровольно отказаться от своего естества, подчиниться машине, уничтожить в себе малейшие проявления сомнений и самоуважения. Помните картины стоявших на коленях полицейских в Америке перед бушующими криминальными толпами? Очень тонкая подмена понятий: чувство

собственного достоинства уходит на задний план перед соображениями расовой толерантности. Закон и справедливость – тоже. Мировоззрение отказа («отмены») – от всего, что когда-то было смысловыми основами для прогресса и гуманизма, – сегодня распространяется практически на все стороны жизни, имея внутри себя неявную подоплеку: технологии все расставят по своим местам, интернет вещей и искусственный интеллект лучше знают, где твое место. Во всем этом есть тщательно скрываемое лукавство: человек по сути своей умнее и изощреннее любого, самого умного девайса. Но чтобы подчинить себя технологиям, он должен стать глупее и примитивнее их. Так почему бы не заняться воспитанием ради деградации взамен прежних гуманистических ориентиров? На колени, презренные!

Илон Маск в ответ на претензии Гарри Каспарова высокомерно заявил, что даже его айфон теперь может обыграть беднягу-гроссмейстера, попытавшегося его упрекнуть в «неправильной» позиции по Украине. А ведь, по сути, Маск расставил все точки над *i*: ваши надежды на уникальность и самобытность отныне в прошлом, поскольку нынче в приоритете – примитивизация. Кто ты такой, Гарри Каспаров, со всем твоим богатым... прошлым, в котором интеллект был твоей визитной карточкой? Билл Гейтс, как известно, запрещает своим детям бесконтрольно пользоваться компьютером. Новая элита отдает айфоны тем, для кого желудок важнее головы. И они, погруженные в шаманские ритмы ТiкТок'а, не замечают ничего за пределами мерцающих экранов, готовые ради них отказаться от истории, культуры, религии, семьи, да и просто элементарных приличий.

Что ж, все то, что я сейчас говорю, уже в тех или иных тональностях звучало в нашем общественном сознании. Вопрос, стало быть, состоит в том, как быть дальше? Владимир Александрович Кутырев, яркий, интеллигентный, ранимый и тонко чувствующий нижегородский философ, недавно ушедший из жизни, говорил, что наш удел – всего лишь оттягивать, по мере сил, неизбежное наступление сингулярности, или, переводя с философского на обыденный, конец света, Апокалипсис, победу технологического бездушия над трепетным человеческим сознанием. Говорить, стучать в набат, доказывать...

Проблема в том, что никто не слышит, как ни старайся. Все общество дефрагментировано настолько, что взаимопонимание даже между близкими социальными группами порой невозможно. Часто вижу, как студенты на переменах, сидя рядом друг с другом в комфортных, расслабляющих креслах-подушках, общаются через мессенджеры, не поднимая глаз на соседей. Что бы ты ни кричал, как бы ни увещевал, все растворяется в тумане равнодушия, потому что крики и раздражители – это повседневность, созданная технологиями, старающимися пронзить тебя, как хрестоматийную лабораторную лягушку, очередным электрическим разрядом. Посмотрите на новостную ленту в своем смартфоне непредвзято: фрики и крики, эпатаж и авантаж. И ничего за душой. Взглянул мельком на очередную катастрофу и пролистнул дальше – сколько еще таких будет? Вот она, этика виртуального подчинения!

Но ведь ровно то же самое происходит и на более широком социальном уровне: если что-то не нравится, то можно это просто не замечать (компетентностному подходу в системе образования нет альтернативы, ага!). Электронные коммуникации на самом раннем этапе их зарождения воспринимались неподготовленными людьми как форма балаганного искусства, как примитивное развлечение, ничего не несущее ни

уму, ни сердцу. Что ж, сегодня мы в самой гуще, на авансцене этого цирка, перекочевавшего в жизнь. «Шоу маст гоу он» – «шоу должно продолжаться». Это про тоннели в нашем сознании, за пределами которых мы не видим, вернее, не желаем обнаруживать абсолютно ничего нового.

Стало быть, увещевания, слезы и вздымания рук к небу ни к чему не ведут. Нужно отыскивать альтернативу этому веселому самоуничтожению, плоды которого с утробной, сытой отрыжкой потребляют корпорации. Человек на протяжении столетий уже не раз демонстрировал свою способность уходить из-под давления самых, казалось бы, безусловных, непреодолимых систем. Взять, к примеру, фашизм как политическую технологию или телевидение – как технологию коммуникативную. В первом случае гестапо залезло в мозги буквально каждому немцу (96% охвата радиовещанием – никогда и нигде в мире такого показателя не было достигнуто), во втором – абсолютное подавление любых других импульсов об окружающем мире (помните, как вымирали улицы городов, когда Кашшировский начинал свои сеансы?). По прошествии времени возникало отрезвление и прозрение (сегодня читаю историю телевидения современным студентам и чувствую, что предмет этот мало чем отличается в их глазах от каких-нибудь основ археологии).

В человеке заложена уникальная способность, кроме той, что была обозначена в начале этих размышлений: наше тело, наше сознание, получая разрозненные и хаотичные импульсы извне, превращает их в целостную картину, которая и составляет ткань бытия. Если бы этого свойства у нас не было, то, к примеру, музыка должна была бы восприниматься лишь как набор случайных звуков, никаких мыслей и эмоций не несущих. Мы – демиурги, создатели собственного мира, да и не только собственного – всего, что нас окружает, – нас и находящихся рядом людей. Объединительная сила духа прямо противоположна набору «знаний, умений и навыков» (эти примитивные индикаторы в высшей школе называют «ЗУНами»).

Оказавшись на какой-нибудь очередной «стратегической сессии» (инноваторы очень любят пафосные названия), я с подавленным вздохом становлюсь членом случайной команды «энтузиастов», которые с жаром обсуждают заданные коучем вопросы, пишут на клейких стикерах ответы, лепят их на большом ватмане. Наверняка многие из вас участвовали в подобных играх. Главная награда в них – одобрительные реплики в твой адрес очередного ментора, или даже, о чудо! – «победа» над остальными в этой псевдоинтеллектуальной битве. Таков сегодня основной формат «креативных технологий». Те, кто бывал в подобных балаганах, скажите, сможете ли вы вспомнить спустя месяц, а тем более год, хотя бы слово из того, что написали на разноцветных бумажках? Или вообще то, что тогда обсуждалось? Я – нет. И, мне кажется, это вовсе не мой недостаток. Вот недавно, слышал, в Сочи в такой форме обсуждали, каким бы содержанием насытить феномен патриотизма... Жаль, что не додумались превратить этот увлекательный процесс в танцевальный баттл. Сколько бы символов накопили! Впрочем, не удивлюсь, если скоро такая «стратегическая сессия» в стиле хип-хоп состоится где-нибудь в Сколково.

У креативных технологий есть существенный недостаток: они постоянно куда-то торопятся. Скорость – это вообще одна из коронных фишек нашего опустошенного мира. Если ты не успеваешь, то ты лузер,

если компьютер решает триллион задач в секунду, а ты не в состоянии справиться с одной, то о чем вообще с тобой говорить? Герберт Шиллер, один из авторитетнейших исследователей манипулятивных технологий, считал лихорадочную быстроту принятия решений весьма эффективным приемом воздействия на сознание.

Остановиться, сделать над собой усилие и встать посреди бушующего информационного потока – это удивительная привилегия человека, которую не в состоянии просчитать механистичные, чересчур логичные, не позволяющие себе притормозить ни на секунду технологии. «Давайте делать паузы в словах» – сегодня звучит весьма прозорливо. Этика пауз. Кажется, это именно та альтернатива безумному множеству ЗУНов, вовлекающих нас в бесконечную воронку потребления – самих себя. Двигаться вперед, обгоняя жалкие технологии, стоя при этом на месте, – это ведь всего лишь проблема выбора ракурса, системы координат, точки отсчета.

Вновь Набоков подсказывает концовку как логичную недосказанность, которую не стоит заполнять конкретным ответом:

Признаюсь, хорошо зашифрована ночь,
но под звезды я буквы подставил
и в себе прочитал, чем себя превозмочь,
а точнее сказать я не вправе...

ПРОЩАТЬ – ЗНАЧИТ ПОБЕЖДАТЬ

Однажды, в середине 90-х, я оказался в Бремене, точнее, в Бременском университете. Это был конец февраля, сказочный город, восстановленный после англо-американских бомбежек, похрустывал ледком под ногами, майсенские колокола на узкой улочке, ведущей к знаменитой скульптурной группе бременских музыкантов, играли мелодии и собирали туристов... А в университет нужно было ехать долго. Весьма долго. И на мой вопрос коллегам, отчего кампус расположен так неудобно-далеко от самого города, мне объяснили: все это следствие студенческих революций конца 60-х годов, когда радикальная молодежь занимала города и муниципалитеты (вспомнилось: «партизанские отряды занимали города...»). Именно тогда – от греха подальше в прямом и переносном смысле – кампусы стали строить на отдалении от урбанистических благ.

Студенческая революция в Европе как-то не очень сильно впечаталась в наше историческое сознание. Была холодная война, противостояние нарастало, и, в общем, «с жиру бесящиеся» мелкие буржуа вызывали в СССР легкое недоверие: все равно, дескать, ничего там особенного не будет. Интеллектуалы, что с них взять. В наших пенатах «гнилая интеллигенция», прямо скажем, тоже была в арьергарде у рабочих и крестьян.

Но другое дело – то, как к этому всему относились на Западе. Их порядок устоял, и в этом смысле наш скепсис был оправдан. Но! «Потрясение основ» капитализма, повторенное спустя полвека после

Октябрьской революции, в западной цивилизации оставило неизгладимый отпечаток, или, точнее сказать, глубокий интеллектуальный шрам на челе элиты (не будем забывать и про свершившуюся китайскую революцию). Этот отпечаток стал поводом для полной и тотальной капитуляции перед марксизмом, который явил глазам озабоченных воротил бизнеса свою мощь, всю преобразующую действенную силу. С тех пор идеи неомарксизма, воплощенные в трудах философов Франкфуртской школы, стали катехизисом империализма, основой для больших и малых идеологов, которые с завидным упорством транслировали в мир интеллектуальные центры.

Преобразование жизни шло по нескольким направлениям, объединенным, однако, одним общим лозунгом «борьбы за свободу». Она, свобода, впрочем, трактовалась очень широко – от движения «детей цветов», Вудстока и сексуальной революции до увлечения компьютерами, преподносившимися в начале 70-х как «средство раскрепощения сознания», как инструменты, якобы обеспечивавшие «интеллектуальную свободу». Одним из апологетов этой причудливой смеси андеграундной мистики и технических инноваций был, например, Стив Джобс, и его реклама первого эппловского компьютера «1984» стала культовой в западной массовой культуре: обыгрывая знаменитую оруэлловскую антиутопию, Джобс утверждал, что благодаря компьютеру отныне никогда не возникнет общество тотального контроля (грустная издевка состоит в том, что сегодняшние гаджеты следят буквально за каждым нашим жестом, и я не удивлюсь, если таргетированная реклама мне предложит после этих строк, когда я вновь включу компьютер, купить книгу Дж. Оруэлла «1984»).

Герберт Маркузе высказал мысль, что сегодняшний обыватель (тот, что еще недавно гордо именовался пролетариатом) полностью погружен в потребление, и рассчитывать на его активное участие в преобразовании социальной жизни теперь не приходится. И в своем эссе «Репрессивная толерантность» (1965 год) он прямо заявлял, что «задача и обязанность интеллектуала» – это помогать обществу увидеть себя таким, какое оно есть «на самом деле», то есть угнетенным, находящимся в цепких лапах всепроникающего насилия. «Тирания большинства» в современных обществах, по Маркузе, использует традиционную толерантность для подавления людей, для легитимации насилия, и против нее должен быть «направлен протест подлинных либералов». Ну, и, как он образно писал, «зрелая преступность целой цивилизации», с ее бомбами и полицией, должна быть низвержена с помощью идеологии «репрессивной толерантности». В общем, вперед, на борьбу с тиранией, в каких бы формах она ни проявлялась. И да, кстати, интеллектуалам в этом крестовом походе должны помогать маргиналы, люмпены. Их союз – это сочетание мозгов и мускулов. Ну, или, другими словами, надо яростно сражаться с проявлениями тирании, не замахиваясь на причины и основы ее появления.

И, казалось бы, бог с ними, с интеллектуалами, Франкфуртской школой и прочими теоретиками! Только вот их глубокомысленные идеи сегодня становятся реальной практикой, превращающей наш мир в подобие Зазеркалья. И это вновь сочетается с классической марксистской формулой: общественные науки должны не изучать общество, а преобразовывать его. Короче, «и вновь продолжается бой». Сегодняшняя идеология смысловых перевертышей на Западе имеет даже свое название – «воукизм», от woke, т. е. прошедшее время от «проснуться».

Тут все по заветам неомарксистов полувековой давности: надо бороться, надо быть постоянно настороже, надо во что бы то ни стало поддерживать угнетенных, и даже если их нет в наличии, следует их придумать, дабы насолить угнетателям, которые уж точно есть, потому что они – как тараканы, ну никак их не выведешь. А вот, кстати, угнетенные – они очень хрупкая и прихотливая масса. Чуть дунет ветерок, они сразу ломаются, страдают и плачут. Угнетенных надо беречь, ограждать от любых намеков на насилие, холить и лелеять. Более того, общественность должна строго следить, чтобы угнетенным «езде была дорога», ну, и почет – тоже им (чтобы не страдали). Отсюда, кстати, такое яростное стремление уравнивать в правах черных и белых, геев и гетеросексуалов. В западных блогах популярен мем о трех гендерах: мужчине, женщине и вертолете «Апач», потому что последний с надписью на кабине пилота «f.. you» также может быть причислен к сексуально активным меньшинствам. Ну, то есть гендерная идентичность сегодня может быть какой угодно, и чем более экзотичной она будет, тем больше шансов у ее представителя оказаться в положении запуганной жертвы. Вот они и развлекаются наперегонки, кто во что горазд.

Несложно заметить, что в истерзанном сознании западной элиты марксизм вступил в извращенную связь с еще двумя интеллектуальными течениями прошлого века – фрейдизмом и постмодернизмом. Если от «венского шарлатана», как удачно, на мой взгляд, именовал в свое время Набоков Фрейда, новые идеологи (или сектанты?) взяли идею сексуального подавления, то у постмодерна – тему деконструкции как инструмента поиска корыстного интереса власти, предлагающей обществу все новые и новые истины, как прихотливые сочетания цитат и культурных коннотаций. Гремучая смесь получается! Какая там классовая борьба?! «Истинный» класс – это гендер, потому что если поскрести как следует все эти политические и социальные условности, то останется в итоге страсть, похоть и инстинкты. Так чего ж их стесняться? И если в нуклеарной семье мужчина столетиями привык «доминировать» (фи, как это грубо и неженственно!), то его, негодяя, нужно привлечь к ответственности, высечь, поставить на колени, обрушить на него всю силу репрессивной толерантности. И это не только семьи касается. Один из объектов священной ненависти извращенцев – это наука. Потому что она претендует на формулировку истины, а значит, является рупором жестокой власти. Несложно догадаться, что рядом с наукой стоят религия, школа, полиция.

Не буду живописать все немыслимые «чудеса», которые творятся сейчас на Западе в этих сферах, они и так у всех на слуху. Проблема в другом. То, что у нас, в наших медиа, представляется как апофеоз идиотизма, слабоумия и измененного сознания, у них, наоборот, является символом осмысленного отношения к жизни. «Осмысленного» – это значит, имеющего в своей основе идею, мысль, которые, в свою очередь, порождают психологическую устойчивость и веру в правильность своего поведения. Вот почему у них такой революционный настрой. Вот почему они нам кажутся фанатиками и людьми с другой планеты. И самое главное: вот почему мы им кажемся «недолюдьми», жалкими существами, консервативно цепляющимися за «устаревшие» ценности. Вот почему они в отношении нас позволяют себе высокомерие и нарушение любых правил и табу, принятых в их «цивилизованном» мире.

И тут возникает болезненный и очень важный вопрос: а что мы можем противопоставить их четкой, как кодекс строителя коммунизма, идеологии? Есть ли у нас встречная контридея, позволяющая нам смело глядеть в глаза этим кибергуманистам, готовым уничтожить всех, кто не разделяет их взглядов? Они идут на то, чтобы вживлять себе чипы в мозг, становиться полуроботами, чтобы быть быстрее, сильнее, динамичнее. А мы на что готовы, чтобы им противостоять? Вернее, так: на что мы можем опереться, чтобы не унижаться перед этими получеловеками, считающими нас «низшей ступенью цивилизации»?

Казалось бы, четких ответов на это нет. Патриотизм, наполненный болью, раздирающей душу, за ребят, отдающих свои жизни за нас в борьбе с фашистами на Украине? Когда-то нас воспитывали на Зое Космодемьянской и Олеге Кошевом, знавших, во имя какой идеи они отдавали свои жизни. А сейчас? «Разговоры о важном» по понедельникам, введенные с этого года в школах, сводятся на практике к воспоминаниям классных руководительниц о своем счастливом детстве или к директивным установкам «поговорить про Росатом» – про передовую, с точки зрения интеллекта и технологий, корпорацию в России. Но это только на первый взгляд.

Чтобы ответить на эти непростые вопросы, нам нужно вновь вернуться к марксизму. Как известно, одним из важных методологических принципов, которым руководствовался Маркс в своих умопостроениях, был феномен классовой борьбы: она, дескать, ведет к прогрессу. К этому добавим материализм, утверждающий внешнюю по отношению к человеку объективную реальность, или, по Энгельсу, природу такую, «какова она есть, без всяких посторонних прибавлений». Человек вышел из природы, но он ей же и противостоит, изменяет ее, при этом изменяясь сам. В этом, собственно, и суть прогресса – в постоянных изменениях внешнего мира, основанных на неутихающей борьбе и приводящих к трансформации самого человека. «Бороться и искать, найти и не сдаваться» – знаменитая фраза из «Двух капитанов», бестселлера из советского прошлого, очень емко эту мысль иллюстрирует.

Мы действительно не можем воспринимать мир по-другому. Куда ни глянь, везде борьба, везде антагонизм, столкновение противоположностей. Теодор Адорно, тоже один из столпов неомарксизма, обосновывал в «Негативной диалектике» понятие «нетождественности»: реального «единства противоположностей», как завещал старик Гегель, не существует, и борьба, собственно, есть основная форма социального движения. Вот почему, кстати, на Западе они заняты постоянным выискиванием угнетенных, неутихающим движением в защиту сытых, избалованных, развращенных «жертв». Но, положив руку на сердце, мы пока недалеко от них ушли. В институтах нам на самых ранних курсах преподают конфликтологию как науку о поиске истины в бесконечных столкновениях противоборствующих интересов. Мы с детства помним про добро, которое «должно быть с кулаками». В общем, «и вечный бой, покой нам только снится...». Это в крови, в порах, в мельчайших извилинах сознания. Нет борьбы – нет развития, нет прогресса. Но так ли это на самом деле?

Слово «борьба» у нас легитимировано классиками-философами, оно стало символом мужественности и бескомпромиссности. Но можем ли мы, положив руку на сердце, сказать, что борьба – это абсолютное добро? Насколько «единство», которое сулит «противоположностям» их бескомпромиссная схватка, хорошо, легитимно, оправданно?

В прогрессистском энтузиазме, мы судорожно выискиваем позитивные смыслы, забывая о том, что борьба – это еще и уничтожение, подавление, причинение зла. Единство таких противоположностей в нашем сознании получилось какое-то однобокое: негативную сторону столкновений мы стараемся как-то не замечать. Победитель получает все. Проблема марксизма даже не столько в этом. Борьба как стихия, как страсть становится матрицей, с помощью которой оценивается прошлое (как череда «единств», получившихся в результате антагонизма), и она же детерминирует, обуславливает будущее: «Как вы яхту назовете, так она и поплывет», – утверждал капитан-философ Врунгель. Ну точь-в-точь про сегодняшнее время: не то «Беда», не то «Победа».

Короче, внутреннее противоречие марксизма, которое разрывает сегодняшний мир на части, – это опрокинутость в прошлое, это оправдание насилия как единственного рецепта для прогресса. И вот эти глаза на затылке у западной интеллектуальной элиты могут нам показать, на что нам, не ужаленным чужими догмами, стоит смотреть, на что надеяться, на что обращать внимание.

И в этой связи прогресс, оказывается, воплощается не в технологиях, а в любви. Не в примитивно-плотской (в этом западные идеологи преуспели: харрасмент и движение «ми ту» это отчетливо демонстрируют), а в христианской, той, что возвышает человека над обыденностью. Еще – в умении прощать. Право на ошибку есть право на неизведанные возможности и на творческое отношение к жизни. В марксистском же техницизме ошибка – это приговор. Особенно в сегодняшнее время, когда любые просчеты скрупулезно фиксируются и предъявляются несчастному их автору даже спустя долгие годы.

Вот где контуры новой идеологии. Смотреть на будущее как на воплощенную любовь, к которой ты неизбежно придешь, несмотря на тернии и ошибки, а не как на продолжение вечной и изнуряющей борьбы. Трудиться ради общественного блага, получая при этом вознаграждение за свои усилия. Собственно, умение прощать – это и есть умение побеждать. Человеческая история в этой связи предстает не как механистически-поступательное движение от каменных орудий до цифровых технологий, в котором люди гибнут за эфемерное благо и преходящие ценности. История – это вечный круговорот страстей и желаний, в котором в каждую эпоху возникает свой собственный образ человека, иногда утонченно-возвышенный, иногда приземленно-грубоватый, порой и отвратительный. И, в общем, это вовсе необязательно движение от плохого к хорошему. Но то, что мы должны этот образ желаемого будущего создать в своих сердцах, – это не просто благое пожелание, а рецепт преодоления навязанной нам Западом борьбы.

Марксизм в России оставил неизгладимый и кровавый след, но именно наша страна, наше сознание достойны того, чтобы суметь простить его (и самих себя) за ошибки и поблагодарить за возможности. Одна из таких – в новом осмыслении истории, в новом, человеческом понимании прогресса, будущего, перспектив, которые помогут нам осмысленно смотреть в затуманенные глаза западных и доморощенных кибергуманистов. Именно в этом залог нашей победы!